

Цзян Ехун понимал: порой долг и благодарность сплетаются в такой узел, что человек, пытаясь спасти свою совесть, окончательно её теряет.

— У Шунь, семья У была к тебе добра, и доктор Гу тоже когда-то помог тебе. И что же ты выбрал? — голос Цзян Ехуна сочился горечью. — Ты годами скрывал злодеяния У Хуэйюнь и Фу Юдао, хотя знал, как они обошлись с семьёй твоего благодетеля. А потом, мучимый раскаянием, помог Гу Мэнъи сбежать. Скажи мне честно: кому в итоге принесла пользу такая «благодарность»?

У Шунь, измождённый годами самобичевания, лишь ниже опустил голову. Своим молчанием он не отплатил за добро, а лишь развязал руки преступникам.

— За полмесяца до той вспышки чумы Го Цзянь тяжело заболел, — хрипло заговорил У Шунь. — У Хуэйюнь велела мне позвать доктора Гу. Во время осмотра тот заметил на запястье мальчика родимое пятно в форме полумесяца. Точно такое же было и у неё самой — знак редкий, приметный. Позже, когда она сама пришла в лавку, Гу Цзишэн неосторожно спросил её об этом. Она до смерти перепугалась... Боялась, что все узнают правду о происхождении Го Цзяня. К тому же Гу Цзицы уже несколько раз отверг её чувства, и страх в её душе смешался с ядовитой обидой.

— И тогда она воспользовалась паникой, — закончил за него Цзян Ехун. — Когда в переулке Чунмин вспыхнула зараза, она подбила обезумевшую толпу напасть на дом лекаря. Убила его жену, похитила дочь... У Шунь, благодарность не должна ослеплять. Покрывать убийц — не значит быть верным.

Старик разрыдался, но толку от его слёз теперь было мало. Цзян Ехун чувствовал, как от гнева ноет в груди. За годы службы ловчим он повидал немало грязи, но к такой низости привыкнуть было невозможно. Будь он всё ещё вольным человеком из мира рек и озёр, он бы не раздумывая решил вопрос сталью, но сейчас его связывал закон.

— После того налёта многие пытались дать показания, — Цзян Ехун старался говорить спокойно, хотя он до белизны сжал рукоять меча. — Как У Хуэйюнь и Фу Юдао заставили власти закрыть на это глаза?

— А как это делается? — горько усмехнулся У Шунь. — Они пошли на Призрачный рынок, взяли огромный заём в подпольной лавке и подкупили тогдашнего главу управы Лянцзина. Все эти годы У Хуэйюнь жила на широкую ногу лишь напоказ, а на деле едва сводила концы с концами, пытаясь расплатиться с долгами. Потому-то она и вцепилась в У Юя — надеялась вытрясти деньги из поместья Унань-вана и принцессы.

Цзян Ехун резко развернулся и вышел, не в силах больше находиться в одной комнате с этим человеком. Он почувствовал резкую боль в плече. Работа ловчего казалась ему проклятием: каждый день приходится иметь дело с подонками, от которых смердит за версту.

Он шагал быстро, почти не разбирая дороги.

— Старший брат Чу! Постой, подожди меня! — донёлся сзади голос Жун Жо.

Цзян Ехун замер и обернулся так резко, что Жун Жо, не успев затормозить, влетел прямо ему в объятия. Тонкий аромат и мягкие пряди волос, мазнувшие по щеке, заставили Ехуна почувствовать предательский трепет. Его сердце снова забилося вскачь.

— Куда ты так несёшься? — буркнул он, легонько отстраняя юношу. — Свалишься ещё.

Жун Жо тяжело дышал, его лицо покраснелось.

— Я понимаю твой гнев, Старший брат Чу, но сейчас нужно сосредоточиться на убийце. У Шунь рассказал всё, что знал. Теперь главный подозреваемый — У Юй.

— Он подходит под описание, — Цзян Ехун немного остыл. — Но зачем Го Цзяню было притворяться им?

— Возможно, У Юй узнал тайну Го Цзяня и заставил его сделать те марионетки, а тот просто хотел занять его место? — предположил Жун Жо.

— Всё равно не сходится. У Хуэйюнь души не чаяла в Го Цзяне. Если его убил У Юй, то зачем Го Цзяню потом примерять его личину? И почему Кукольник так странно расправился с ним в итоге?

Цзян Ехун потёр виски.

— Слишком много узлов. Ладно, пойдём в управу.

В ямэне его встретили не тишина и порядок, а весёлый гул. Жун Жо сегодня надел ярко-красные одежды, и стражники, забыв о службе, обступили его, засыпая комплиментами. С тех пор как этот изысканный молодой человек стал часто заглядывать в Люшаньмэнь, суровые мужики поумерили свой бас и стали подозрительно часто улыбаться. Кое-кто уже порывался похлопать юношу по плечу.

Цзян Ехун с грохотом опустил чашку с чаем на стол.

— Я смотрю, дело уже раскрыто, раз у всех столько свободного времени?

Ловчие мгновенно разлетелись в разные стороны. Чжао Чэнь, пряча ухмылку, проговорил:

— Ну и характер у тебя, глава Чу. Парни просто хотели перекинуться парой слов с А-Жо, а ты уже за кулаки хватаешься. Смотри, поколотишь подчинённых — кто работать будет?

Ехун вспыхнул.

— Ты! Чжао Чэнь, тебе, я вижу, заняться нечем? Что там с Яоху? Узнал, чем занималась У Хуэйюнь до приезда в столицу?

Он отложил семечки и посерьёзnel.

— Кое-что есть. В Яоху она жила со своим братом, У Хуэйчжоу. И, судя по слухам, когда они уезжали, с ними была девочка по имени Сюй Вань. Её брат потом долго её искал, всю округу перевернул, но так и не нашёл.

— У Сюй Вань был брат?

— Да, единоутробный. Говорят, он приехал в Яоху уже после их отъезда. Звать его Ду Цзичан. И, что любопытно, он тоже лекарь.

Цзян Ехун вскочил, хватая меч.

— Идём в лавку семьи Ду. А-Жо, возьми тот браслет, что мы нашли в доме У Юя.

В лавке доктора Ду пахло горькими травами и пылью. Ду Цзичан как раз закончил принимать последнего пациента. Когда в дверях показались ловчие, он заметно напрягся.

— Доктор Ду, — без лишних предисловий начал Цзян Ехун. — Вашу сестру ведь звали Сюй Вань?

Ду Цзичан выдавил бледную улыбку.

— Верно. Почему Ловец Чу спрашивает об этом сейчас?

— Её увезли брат и сестра У. Вы искали её в Яоху, но след простыл.

Лекарь скривился от застарелой ненависти.

— Искал... Я каждый камень перевернул. А потом узнал, что эти выродки использовали её,

чтобы шантажировать Унань-вана, выманили кучу денег и сбежали в Лянцзин.

— Значит, вы знаете, что У Юй — её сын?

Ехун выложил на стол нефритовый браслет с выгравированным иероглифом «Вань». Увидев его, Ду Цзичан издал странный звук, похожий на всхлип, схватил украшение и с силой швырнул об пол. Белый нефрит разлетелся на куски.

— Ду Цзичан! Это У Юй убил У Хуэйюнь и Фу Юдао? Отвечайте!

Лекарь молчал, плотно сжав губы. Цзян Ехун уже хотел прикрикнуть, но Жун Жо мягко коснулся его руки, призывая к терпению.

— Доктор Ду, — тихо сказал Жун Жо. — Вы наверняка слышали, что Го Цзянь, выдававший себя за У Юя, мёртв. Зачем ему было это нужно? Где настоящий У Юй?

Ду Цзичан закрыл глаза. Он поник.

— Я не знаю, где У Юй... Убийца — я. Это я их прикончил.

— Не мели чепухи! — рявкнул Цзян Ехун. — Думаешь, я поверю, что ты в одиночку провернул такое? Говори, где парень!

— Хватит, доктор, — раздался голос из глубины лавки. — К чему теперь ложь?

Из-за ширмы вышел помощник лекаря, Фу Цзю. Он прихрамывал, его движения были скованными, а взгляд — пугающе спокойным. Он медленно снял маску, закрывавшую часть лица. Под ней оказалась ужасающая багровая кожа — след старого ожога.

— Ловец Чу, не вините доктора Ду, — произнёс он, и голос его, прежде невзрачный, обрел глубину. — У Хуэйюнь и Фу Юдао убил я.

Цзян Ехун замер, пытаясь переварить услышанное.

— Ты... кто ты такой?

Мужчина горько усмехнулся. Его волосы, казавшиеся в полумраке серыми, при свете дня оказались почти седыми.

— Меня зовут не Фу Цзю. Моё настоящее имя — Гу Цзицы.

— Гу Цзицы? Тот самый пропавший брат доктора Гу? — выдохнул Ехун.

— Да. Тот самый, которого считали сгинувшим на пути домой.

Цзян Ехун почувствовал, как почва уходит из-под ног.

— Что же с тобой произошло? Как ты стал... таким?

— О, за это стоит поблагодарить ту женщину, — Гу Цзицы оскалился в подобии улыбки. — Она была одержима. Требовала, чтобы я женился на ней, а когда я отказал — возненавидела. На обратном пути в родную деревню её люди схватили меня. Она заперла меня в подвале, заставляла носить одежду своего покойного брата, У Хуэйчжоу. Она не меня любила — ей была нужна тень брата. Чтобы я не сбежал, она перебила мне ногу. У Хуэйюнь была безумной... Любить собственного брата — какая мерзость.

Жун Жо осторожно подвёл Цзян Ехуна к стулу, видя, как тот побледнел. Ехун сел, чувствуя на плече прохладную ладонь юноши — это странным образом помогало не впасть в оцепенение.

— Два года я гнил в той яме, — продолжал Гу Цзицы. — Однажды У Хуэйюнь напилась и разболтала, что это она вместе с Фу Юдао погубила семью моего старшего брата. Мы сцепились, опрокинули светильник... Начался пожар. Она вылезла, а я был на цепи. Думал — всё, конец. Но небо сжалилось: хлынул ливень. Я выжил, буквально содрал с себя кожу, чтобы освободиться от оков. Потом я встретил Ду Цзичана, который искал сестру. Мы объединились ради мести.

Ду Цзичан стоял рядом, не поднимая глаз. Его молчание было тяжелее любого крика.

— Мы были слабы, — голос Гу Цзицы стал сухим. — К У Хуэйюнь было не подступиться. Тогда я нашёл У Юя. Она убедила его, что он сын её брата, и парень в это верил. Я использовал его, заставил Го Цзяня сделать те две маски... Это я подсыпал дурман в её благовония. Мы, Гу, — потомственные лекари, для меня это было проще простого. Я хотел, чтобы она умирала долго. Чтобы её разум разлагался раньше тела. А потом я пришёл за ней.

Жун Жо внимательно смотрел на калеку. Он смотрел холодно и отстранённо, словно он читал раскрытую книгу.

— И как именно вы её убили?

Гу Цзицы не смотрел на него. Он говорил монотонно, будто он заучил урок:

— Она как раз вернулась с горы Чуншань. Я пробрался в дом под видом разносчика овощей — я знал все ходы. Нашёл её спальню, усыпил... Потом отрубил ей руки и ноги. А после — втыкал иглы в плоть, одну за другой.

Жун Жо молчал мгновение, а затем тихо спросил:

— Где именно вы рубили плоть? Почему в спальне не нашли ни единой капли крови? И как вы, калека, умудрились незаметно затащить её тело на второй этаж и повесить под потолком?

<http://bllate.org/book/17428/1664042>